

Мокош

«Бог – не Мокош, чем-нибудь да порадует».
(Народная поговорка)

Пытаясь разобраться в нагромождении предположений о том, кем же были славянские боги, воспоминания о которых дошли до наших дней, нам не избежать вопроса о Мокоши, которого подавляющее большинство неоязычников считают богиней плодородия.

Очень показательным, что редкий знаток славянских древностей, историк, объехавший все славянские земли, профессор русского языка Дерптского университета Андрей Сергеевич Кайсаров (1782 — 1813) считал, что Мокош – мужское имя. Андрей Сергеевич был не просто талантливым историком – славистом, он был филологом и даже составил подробный Словарь древнерусского языка. Ему были доступны все известные нашим современникам тексты с упоминанием бога Мокош. Безусловно, что он обратил на разность написания его имени в литературных источниках. Тем не менее, его опыт и знания в области древнерусского языка не позволили ему даже усомниться в том, что Макош - мужчина. Он имел какие-то весьма конкретные этому доказательства. Вероятнее всего, что помимо известных нам сейчас источников Кайсаров располагал и другими, теперь не доступными. Например, исключая исчезнувшую к нашим дням литературу, он мог знать от крестьян, кого те называют Мокошом. Жаль, что мы не имеем возможности узнать о рассуждениях и доказательствах Кайсарова, приведших профессор - филолога древнерусского языка к убеждению, что Мокош – бог мужчина. *«Из отечественных исследователей впервые (1804) о Макоши заговорил А. С. Кайсаров. У него она фигурирует еще как бог-мужчина: «Макош или Мокош. Какую должность отправлял этот бог у русских, до сих пор еще неизвестно. Нестор не говорит о нем ничего более, как что Владимир Великий велел соорудить истукан Макоши в Киеве и приносить ему жертвы. Г. Гютри думал, что русский Макош был Магогом в Библии. Мы не имеем причин согласиться с этим мнением, и я предоставляю другому исследовать, справедливо ли оно, и много ли находится сходства между обоими лицами, кроме их имени? Макош называется иногда и Мокаша». Г. А. Глинка (профессор русского языка и русской словесности в Дерптский университет) в Митаве издал книгу, где Макошь с именем Могошь также полагается мужчиной, однако он допускает варианты Макошь, Макоса, «что все истолковывается словом Могуць». О нем он пишет: «И сей по Нестору есть также бог скотов; однако ж надобно заметить различие между Могошем и Велесом. Первый крупного скота бог, другой же мелкого, как-то овец, коз и проч.». А. С. Фаминцын приводил о Макоши только три цитаты: из Нестора о том, что Макошь наряду с другими богами стояла в Киеве на Подоле вне двора теремного, из Григория Богослова — о том, что «богам требу кладут и творят вилам и Мокошьи», и из церковных поучений — о том, что славяне молятся вилам и Мокоши. Собственного мнения об этом божестве у него не было, пол божества предоставлялось толковать читателю. Д. О. Шеппинг (1849) также не определяет пол: «О Мокоше, или Мокошле известно только, что кумир его находился в Киеве, но какое это божество, определить трудно. Вацерад называет его богом дождя; Коллар же описывает его получеловеком, полурыбою, что дает некоторое сходство с чудом морским; в позднейшее же время обоготворяли его в значении бога дождя и сырости, и к нему прибегали с молитвами и жертвоприношениями во время большой засухи. В христианстве это перенесено на пророка Илью, которого называют мокрым». Таким образом, в 19 в. Макошь*

представлялась мужчиной и сближалась со всем мокрым, брались источники последнего тысячелетия.»ⁱ

Исходя и из наших данных Мокош (Мокуш) – это не женщина, а существо мужского пола, и к тому же, змей. Первым, кто выдвинул настойчивое предположение, что Мокошь – это богиня плодородия, был академик Рыбаков. В своей книге «Язычество древних славян» академик объясняет слово «Мокошь» так: (он использует написание «Макошь») это богиня судьбы, удачи или богиня плодородия и благоденствия (по его толкованию, «Макошь» – производное от ма – «мать», и кош – «жребий» или «корзина для зерна»).

Сейчас уже совершенно очевидно, что он ошибся. Хочу подчеркнуть, что я отношусь к нему и его работам с глубоким уважением. В науке должны делаться предположения, в том числе и неправильные. Потом они должны проверяться, отвергаться или приниматься, выверяться.

С этой версией Бориса Александровича согласилась вся научная общественность. То ли ей (этой общественности) не было дела до изучения сути вопроса, то ли он шел в науке (скорее всего, так и было) впереди всех и просто не было компетентных ученых, которые могли ему возразить. А может быть и так, что авторитет академика всех ученых пониже рангом заставил промолчать. Но в результате получилось, что возникла «славянская богиня» Мокошь, которой никогда у славян не существовало.

Мнение академика Рыбакова почему-то поддержали видные историки, исследователи мифологии В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Они высказали предположение, согласно которому «богиня» Мокошь почиталась как жена громовержца (Перуна) и играла одну из важнейших ролей в основном мифе, будучи похищенной противником громовержца или добровольно ему отдавшейся (в отличие от Перуна и Велеса, имя женского персонажа реконструируемого мифа — похищенной жены или жены-изменницы — точно не известно: в разных изложениях легенды она фигурирует под разными именами). Да и исходной подобной славянской легенды как таковой не сохранилась. Есть попытка реконструировать утраченный славянский миф, опираясь на аналогии с мифами других народов. Итак, выдвинутая на скорую руку гипотеза была подкреплена ещё несколькими предварительными предположениями, которые за неимением других предположений стали научной парадигмой и взялись жить своей самостоятельной жизнью, как мифу и положено. Вскоре энтузиасты-неоязычники и поверхностные ученые «обнаружили» «богиню Мокашь» на вышивках и неоязычники стали усердно ей поклоняться.

Не обращая даже внимание на то, что у вышитого персонажа, для ясности, чтоб толерантные потомки пол не перепутали, зачастую изображалась борода, а часто и немалого размера мужской детородный орган. Подобные вышивки встречаются и с

изображенной в середине женщиной. Но, на мой взгляд, гораздо реже. Неоязычники же видят в подобных изображениях только женщину, «богиню» – «мать урожая». Современные люди из-за особенности современной моды забыли, что широкополая одежда с раструбом внизу – это совсем не обязательно женское платье. На вышивке (да и на фотографиях) так же, почти как платье, выглядит кафтан – мужская одежда. А уж если говорить об одежде священников – то силуэт их одеяний вообще неотличим!

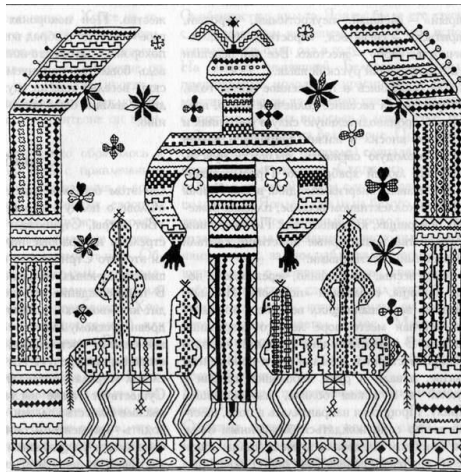

Фото крестьянина в кафтане

Так к названию никогда не существовавшей славянской богини Мокоши добавился «иконографический» образ «славянской богини», который на отдельных изображениях русского прикладного искусства нередко обладал бородой и весьма заметными первичными мужскими половыми признаками. Ведь неоязычникам была срочно нужна «икона» - образ «Богини Матери», а желательнее ещё и имя её! Как же иначе молиться?

Действительно, в славянской мифологии сохранились отчётливые следы неких женских божеств, функции которых неясны. Но наиболее заметным остаётся след почитания некоего женского божества, связанного с плодородием. Однако, опираясь на весь массив фольклорных текстов, можно увидеть, что оно везде называется Мать-Земля. И этим именем – Земля, – это существо очень даже сближено с Ветхозаветными преданиями о сотворении человека. Человек был сотворен из земли, это наша материальная (МАтериальная) часть, можно сказать, «таблица Менделеева», что вовсе и не противоречит современным представлениям науки о человеке. Мы же не только из души состоим, но и из тела. Бог же вдохнул в это материальное творение свой дух. Это именно то – Непостижимое, что и является человеческой душой и духом. В этом смысле нет особенных противоречий между христианскими представлениями о сотворении человека и реальным славянским язычеством. Бог – людям Отец, Земля – людям Мать.

И тем не менее, сложился современный стереотип, который из-за авторитета академика Рыбакова и из-за поразительного невежества неоязычников в вопросах дохристианских верований славян был молчаливо принят как правда, и стал неоязыческим религиозным символом. По мнению неоязычников богиня Мокошь выглядит так:

Даже изображенных коней предусмотрительные предки поместили мужскими символами, мол – не перепутайте, это жеребцы, а не кобылы! Но и это не помогло. (Г.Б.)

Самое же досадное: по мнению многих современных ученых-историков Мокошь (Мокушь) выглядит подобным же образом. А всё дело в инерции исторического исследования. У читателя, конечно, должен возникнуть вопрос о том, отчего я так уверен, что Мокуш – это летающий змей, а не славянская богиня плодородия. На чём же зиждется моя уверенность? Всё очень просто. Во время учёбы в Тверском государственном университете, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и потом в течение 10-ти лет работы преподавателем этнологии мы ежегодно системно проводили этнографические экспедиции по сёлам и деревням Тверской области для сбора этнографических материалов. Там мы коллекционировали предания о летающем огненном ўже, огневом змее. И вот, – от людей, уверявших нас, что видели его живьём, (!) – мы узнали, что они называют его Мокуш, Мокаш. Показательно, что именно так зовут летающего дракона и литовцы - smakas. Smakas, в переводе на русский значит - "дракон, змей". Впервые это название встретилось в Молоковском районе Тверской области. Потом подтвердилось ещё несколько раз. Потом оно попало в словаре Даля. Народ не делал предположений, научных гипотез, – он просто знал, что Мокуш – это огненный летающий уж. Он помнил и не сомневался. Убедительно, что таким именем его называли не только русские, но и литовцы. Подобные случаи намного достовернее предположений ученых, да и вообще любых предположений. Ибо здесь мы имеем дело с точкой зрения самого народа, ни в чем не заинтересованную и никем не ангажированную точку зрения.

Поверья об «огненном змее» довольно широко распространены на Тверской земле. Обычно его называют «уж» (самое распространённое наименование), «огневой уж», «змей», «огненный змей», «змея». И в псковской земле, и в новгородской, и в вологодской, и, – как после выяснилось, – по всей верхней Волге, на Балканах (смук-свири, то есть – свистящий смук) и на Украине (цмок), в Белоруссии (смук), в Сибири – везде, всё одинаково¹¹. Примечательно, что и на Британских островах дракона называют также «смауг» - (smaug). Совершенно очевидно, что слово и явление имеет очень древнее происхождение. В некоторых деревнях Тверской области, относящихся к разным районам: Молоковскому, Бежецкому и Пеновскому, — встречаются наименования «мокуш», «мокаш». Так сегодня называют этого загадочного персонажа, имя которого мы знаем из русских летописей и поучений. Но для нашего народа это – летающий змей, – а вовсе не богиня плодородия. И я уверен, что ошибается в данном случае не народ! И ещё, – поскольку на Балканах этот змей называется смук-свири, а везде у славян «уж» или «смук», – то вполне вероятно, что слово «мокуш» могло стать производным от словосочетания «смук-уж». А этимология слова «уж» единодушно определяется лингвистами как производное от слова «гуш», что значит – «веревка». Возможно, что оно использовалось как иносказательное по отношению к летающему змею из-за табу - запрета прямого названия, как «мед-ведь».

Рискуя развеселить скептически настроенных коллег, всё же сообщу своё мнение. Складывается впечатление, что мокош, смок-уж, смок-свири, цмок, огненный уж – это реликтовое животное. Давайте проведем небольшое исследование вопроса и некоторый сравнительный анализ.

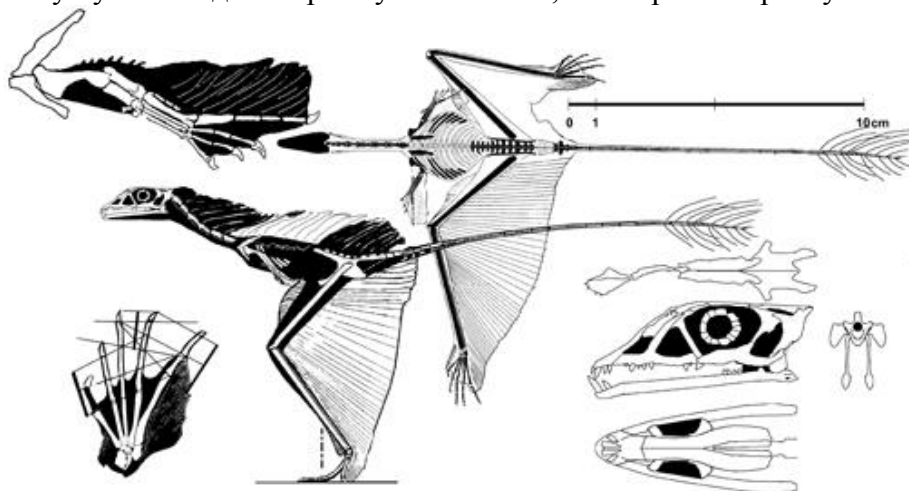
«Мокош» как живое ископаемое

Приходится признать, что опрошенные в экспедициях люди, описывающие летающего змея-мокоша, очень единодушны в описании его внешности. Это змей с кожаными крыльями, размером он бывает с глухаря или достигает нескольких метров в длину. На голове у него красный гребень, напоминающий петушиный. Часто подчёркивается (и это хорошо видно на примерах домовой резьбы), что у летающего змея на кончике хвоста стреловидный наконечник. Хотя такой наконечник есть не на всех изображениях огненных ужей. У змея две когтистые лапы, подобные орлиным, и два крыла, заканчивающихся пальцами с когтями. Во время полёта змей извивается и парит подобно орлу, и не так часто машет крыльями, как большинство птиц. По земле передвигается, неуклюже извиваясь и неловко перебирая ногами. В полёте очертаниями похож на детскую игрушку – «воздушного змея».

Sharovipteryx (Шаровиптерикс)

Интересна описанная манера «ужа» приземляться. Обычно он тяжело падает на крышу избы и вползает в печную трубу. Такое впечатление, что для того, чтобы взлететь, мокошу необходимо прыгнуть с высоты, как парашютисту.

Анатомия Sharovipteryx (Шаровиптерикса)

В середине XVIII в. учёные извлекли из юрских зольнхофенских известняков (Бавария) несколько полных скелетов странного животного. Эти скелеты настолько

отличались от современных существ, что долгие годы зоологи гадали, что же это за животное. Одни сочли его странной уткой, другие — летучей мышью; высказывались даже мнения, что это останки миниатюрного дракона. Только в 1809 году великий французский зоолог и палеонтолог Жорж Кювье убедительно доказал, что найденные скелеты принадлежали вымершей летающей рептилии. Кювье назвал её птеродактиль, — то есть «палецкрыл».

Позднее, в XIX веке, вокруг птерозавров развернулись новые споры. Ведущие британские учёные того времени Ричард Оуэн и Гарри Сили пытались разобраться в том, были ли птерозавры холоднокровными рептилиями или теплокровными «примитивными птицами». Лишь с накоплением палеонтологического материала картина прояснилась. Без сомнения, птерозавры были рептилиями (как и считал Р.Оуэн), но теплокровными.

Птерозавры были разных размеров. От маленьких, как сорока, до гигантов с размахом крыльев до 7-ми метров и более. Их крылья представляли собой складки кожи, натянутые между боками тела и очень длинным четвёртым пальцем передних конечностей. Скелет обладал облегченной конструкцией: тонкие полые кости, лёгкий череп почти сетчатой структуры; грудина имела киль, как у птиц. Строение скелета крыльев и плечевого пояса указывает на наличие мощной мускулатуры, предназначенной для маховых движений. Споры о способности птерозавров летать и о биофизике их полета не прекращаются и теперь. Одни специалисты полагают, что гигантские рептилии могли летать на огромные расстояния по воздуху, другие же считают, что, — если и могли, — то лишь в безветренную погоду. Крылья развивались уже в яйце, и рептилии сразу после вылупления оказывались способны летать. У некоторых из них были перепончатые лапы, что говорит о том, что жизнь их была связана с водой. Вытянутые в клюв челюсти могли быть зубастыми. Птерозавры имели достаточно хорошо развитый мозг (преимущественно за счёт мозжечка, отвечающего за координацию движений), зрение также было развито хорошо. Эти животные имели широкие крылья, хвост, **некоторые виды — гребень на черепе.**

На этом фрагменте домовой резьбы (тверской наличник) хорошо видно сходство головного гребня легендарного «мокуша» с головным гребнем ископаемого птерозавра.

Все известные науке летающие ящеры (птерозавры) делятся на две группы — **длиннохвостых** и короткохвостых крылатых ящеров. Наиболее древние — длиннохвостые, рамфоринхи. В переводе с греческого это слово означает «кривоклювые». Крылья рамфоринхов были более узкими, чем у «прогрессивных» короткохвостых летающих ящеров. **Длинный хвост летающих ящеров имел ромбовидный кожистый вырост на конце и служил рулём при полёте.**

Наконечник на конце хвоста у ископаемого рамфоринха и аналогичный наконечник хвоста на изображении летающего змея на наличнике тверской избы.

Длиннохвостые – рамфоринхи, – были наиболее древней формой летающих рептилий. И если мы предполагаем, что биологический прототип нашего летающего змея был реликтовым животным, то его, безусловно, следует отнести к длиннохвостым. Это следует из того, что все устные описания внешности «мокушей», изображения на иконах и миниатюрах, в резьбе по дереву и кости, без исключения рисуют его с длинным хвостом.

Из всех известных на сегодняшний день видов рамфоринхов, существовавших в древности (а палеонтологами открыты ещё далеко не все существовавшие некогда виды), на нашего «мокуша» более всего похож птерозавр *Sharovipteryx* (Шаровиптерикс), ранняя планирующая рептилия. Останки динозавра были найдены советским ученым А. Г. Шаровым в 1971 году. Находка единична. Открытие было сделано в ущелье Мадыген, Ферганская долина. По этой причине предполагается, что птерозавр обитал на территории современной Средней Азии. Размер динозавра мал, он был примерно с голубя. Однако, совершенно неочевидно, что Шаров обнаружил останки взрослой особи, а не детёныша. Вполне вероятно, что существовали подобные виды более крупного размера. Самое примечательное у этого животного то, что перепонки-крылья натянуты у него не на передних лапах (как у всех известных палеонтологическим видам), а на задних. Эта странная конструкция и приводит нас к мысли о сходстве шаровиптерикса с «мокушем».

Шаровиптерикс в полёте. Реконструкция палеонтологов.

На всех средневековых рисунках, где летающий змей изображен на земле, хорошо видно, что он сидит, сложив крылья точно так же, как бы это сделал шаровиптерикс:

Sharovipteryx (Шаровиптерикс)

Особенности анатомии не позволяли шаровиптериксу сидеть иначе. При этом очень наглядной и характерной чертой становятся свернувшиеся в гармошку кожаные крылья. Из-за этого складывается впечатление, что у летающего ящера только две ноги и к ним же, к ногам, приделаны крылья. На самом деле, – это сложенные кожаные крылья, прикрывающие часть туловища и передние лапы.

Подведем некоторые итоги сходства устного описания, рисунков и скульптурных (резьба) изображений «мокоша» с древними летающими ящерами.

1. И у нашего летающего змея, и у ископаемого есть на голове гребень, позволяющий управлять полетом.
2. У «мокоша» и у всех видов рамфоринхов есть длинный хвост, а на нём стреловидное утолщение, служащее для управление полетом, подобно хвостовым стабилизаторам самолета.
3. У «мокоша» и у известного палеонтологии вида рамфоринхов – шаровиптерикса – крылья расположены на задних, а не на передних лапах.

Поразительно много сходств!

Возникает справедливый вопрос, даже несколько: почему все информаторы так единообразно изображали и описывали «мокоша»? Могло ли быть такое, что их всех кто-то подкупил, подбивая на обман? Или может быть, что все древние художники, резчики по дереву, свидетели-«фальсификаторы» – были образованными палеонтологами и, в силу своей образованности, могли обмануть всех прочих? Но опять неувязка: подобное ископаемое существо было впервые найдено только в 1971-м году... А может ли быть такое, что они были живыми свидетелями странного существа и изображали его либо по памяти, либо со слов очевидцев?

Мне кажется, что последнее предположение наиболее близко к реальности. Откуда деревенские люди могли знать про специальные выросты на хвосте и голове, предназначенные для управления полетом? Эти детали знают только палеонтологи. Как они придумали кожаные крылья на задних, а не на передних конечностях, – ведь у всех современных птиц и летучих мышей крылья впереди? Чем ещё это можно объяснить, кроме того, что описываемое существо жило одновременно с человеком, и не исключено, что и живет до сих пор? Последних очевидцев я опрашивал в 80-х годах прошлого века, и они свидетельствовали, что видели «мокушей» во второй половине XX века, в том числе и в тех же 80-х годах. Не стоит также забывать, что описания подобных существ имеются по всему миру, распространены среди многих народов. И в Европе и в Азии. Даже Америка знает о Пернатом змее Кецалькоатле. И везде эти описания крылатых змеев весьма схожи во многих деталях.

Западноевропейская гравюра

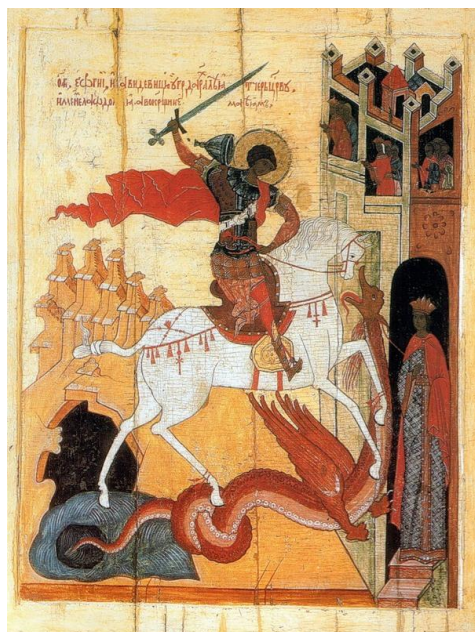
В нашем распоряжении есть свидетельство времен царя – Петра первого. Вот что писал Николай Щегольников в своей книге «Исторические сведения о городе Арзамасе», изданной в 1911 году, ссылаясь на архивные материалы:

«Лета 1719 июня 4 дня была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли. И упал с неба змий, Божьим гневом опалённый, и смердел отвратно. И помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Куншткаморе и сбору для ея диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных, и прочих чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...». Подписана бумага земским комиссаром Василием Штыковым.

(...) В длину сей монструз от пасти до конца (хвоста) спалённого в десять аршин и пять вершков (примерно 7,5 метра), и зубья в пасти той яко у щуки, но более того и кривые, а спереди ещё более в два вершка (почти 9 сантиметров), а крылья яко у нетопыря (летучей мыши) кожаные, и одно крыло от хребта змиева длиной аж в девять аршин и десять вершков (почти 7 метров), а хвост зело длинен уж в четыре аршина и пять вершков (3 метра), а лапы голые с когтями яко у орла и более, и лапы на крыльях четырехперстные с когтями ж, а глаза блёклы, но весьма свирепы»ⁱⁱⁱ.

Перед нами подробное описание реликтового животного, которое было удалцами заспиртовано, законсервировано в водку, но по какой-то причине не доехало до музея. Жаль.

Змей описан очень подробно и, что интересно, его внешний вид до мелочей совпадает с хорошо знакомым образом гада, которого побеждает святой Георгий Победоносец:

В европейской традиции этого дракона называют василиском:

В описаниях тверичан внешний вид «огненного змея» несколько разноречив. Но в общих чертах очень схож. Чаще всего это огненный шар или светящаяся змея большого размера: «Долгой, а хвост растопыренный, как у вороны, ярко-красный, как огонь» (Сандовский р-н, д. Желонки). Случается, – пылающий шар и змею объединяют в одно целое: «Змей летал, как огненный шар» (Бежецкий р-н, д. Поречье). В таких случаях извивающуюся змею помещают внутрь шара. Нередко объединение образов выглядит подобно шару с хвостиком, при этом свечение шара сравнивают с «огневой грудой», «огневой копной». Авиатор Пётр Владимирович Макагонов сделал остроумное предположение, что «светящийся шар», внутри которого виден «уж», это подсвеченные солнцем кожистые крылья «мокуша». И в качестве примера привел фотографии летающей ящерицы *Draco volans* из семейства агамовых (Agamidae):

Draco volans в полёте

В целом стараются не называть имя «уж», а предпочитают давать описательную характеристику: кроме указанных сравнений, можно ещё услышать: «огоньки», «искры». Цвет «ужа» варьируется от ярко-жёлтого до пламенно-оранжевого, но чаще всего он – пылающе-красный с разлетающимися искрами. При этом многие очевидцы настойчиво подчеркивали отличие змея от шаровой молнии.

В некоторых описаниях, когда его видели вблизи, «уж» крылат. Иногда крылья сравнивают по виду с совиными (словно, они с перьями) и по этому ужа уподобляют огненной птице. Крылья описываются и как кожаные, размером с воловью шкуру или овчину: «Уж летит, как овчина огня» (Бежецкий р-н, д. Корино).

Весьма частой чертой «огненного змея» является корона, венец или гребень: «с красным гребнем, как петун» (Сандовский р-н, д. Макаровское).

Не может ли быть так, что сказочная жар-птица – это тоже «мокош» – летающий огненный змей? Наши представления об облике жар-птицы зиждутся на иллюстрациях детских книжек. А если абстрагироваться от того образа, что был нами воспринят от этих картинок в детстве, то жар птица очень похожа на описание огненного летающего змея.

Современный рисунок

Отношение к «ужу» у деревенских информаторов, как правило, доброжелательное, но рассказывают о нём обычно с какой-то таинственностью, часто полушёпотом. Летал он «и носил тому, кто что-то знал» (Сандовский р-н, д. Желонки); «Носил тем, кто Бога почитает» (д. Мантурьево); «Уж летал к колдунье, молоко носил» (Бежецкий р-н, д. Желонки). Приносил он обычно молоко, сметану, зерно, деньги. Подлетая к дому, «уж» рассыпался искрами по земле или, тяжело упав на крышу, заползал в трубу. По народным поверьям, «огненный змей» находится в подчинении у колдуна (колдуньи) и обязан

«носить»: *«У самих ни коровы, ничего, – а всегда и молоко, и хлеб»* (Рамешковский р-н, д. Русино).

Повсеместно сообщают, что «мокоши» часто охраняли посевы. От кого? Может, от мышей? Есть и рассказы о том, как огненные змеи приносили в избу мертвую мышку. В Молоковском р-не, например, рассказывали, что «уж» сам может предложить человеку службу. Для этого он приносит мышонка и кладёт в окошко за домом (в кошачий лаз); если мышонка принять, то «уж» начинает носить «добро». Не правда ли, напоминает поведение кота, который таким образом (принося в дом пойманную мышку) старается заполучить расположение хозяев? Может, это был вариант сосуществования человека и этого «живого ископаемого». Так, например, соколы, поселённые на аэродромах, невольно защищают самолёты от опасных во время полётов стай голубей и ворон. Ежей крестьяне подкармливают молоком, чтоб они убивали и поедали в огороде гадюк, делая жизнь людей безопаснее. Скворцы живут в специально для них построенных скворечниках и поэтому очищают соседние сады от насекомых-вредителей. Кошки ловят мышей... Люди же, заинтересованные в такой помощи, по мере сил стараются помогать животным и удерживают их около себя, подкармливая и строя домики.

Встречается много рассказов, что «уж» подлетает к окну: *«Уж носит рожь – зёрнышки откусаны, молоко в окошко»* (д. Бурцева Гора). Причём с ношением «добра» в окошко связываются представления о его добровольном служении человеку и общедоступности его помощи. В Рамешковском р-не считается, что в окно «уж» может принести молоко доброму человеку. В Бежецком р-не доверие к нему доходило до того, что в какой-то день (точно не помнят, когда-то весной или летом) в открытых окнах ставили пустые крынки, *«чтоб уж налил»* (д. Поречье); *«Уж летел огневой, наливал в крынки молоко»* (там же).

Наличник. Тверь

Видимо, неслучайно в Тверской домовой резьбе и по всей России так широко распространён образ крылатого змея, который запросто можно увидеть на наличниках изб во множестве, особенно по всей верхней и средней Волге. Что это, – призывный знак «ужу» или символ зажиточности, обеспечивающий достаток в доме?

Костромская область. Обломихино. Ивановская область. Ярославская область

Известно много однотипных быличек о том, как кто-то перевернул вверх дном кринки (или перекрестил их), приготовленные для «ужа» в печке или на «мосту», и всю

кухню залило молоком. По-видимому, встречи с «ужом» были нередки, так как сложилась практика воздействия на него: *«Видела: летит красный, огненный мячик – уж несёт колдунье добро. Надо было пояс рвать, он бы отпустил всё»* (Молоковский р-н, д. Дуброво); В народных представлениях «ужа» можно подчинить себе. Для этого *«нужно снять пояс и бросить поперёк его полёта, и когда он пересечёт это место, тогда уже будет в твоей власти»* (Рамешковский р-н, д. Ведное). Видимо, пересекаемый пояс (с точки зрения славянских мифологических представлений) – граница между мирами, которую и преодолевает «уж», при этом он символически пленяется человеческой опояской. Омская исследовательница, фольклорист и филолог - Елена Чешегорова в связи с этим обратила внимание на то, что в существующих записях духовного стиха о Святом Георгии и Змее также имеются фрагменты о подчиняющей змею силе пояса:

«...Уж он и взял Змею да на шелков пояс:

- Будь-ко ты, Змея, ты умна-смирна, будь умна-смирна, как скотинина!» (Карелия, д. Лебецина)

«...Распоясал Егорий свой шелков пояс,

Он продел змеи насквозь прожорище,

Он давал Олексафии на белы руки...»^{iv}

«Распоясай ты свой шёлков пояс,

Свой шелков пояс сорока пядень,

Провздевай ты в его ноздри во змеёвые,

Провздевай ты в его ноздри во змеёвые,

Поводай Змея во Антоний-град!»^v

Фрагмент иконы

Встречаются былички о колдуне, превращающемся в огненного змея, – но практически никогда – о колдунье, оборачивающейся ужом. Есть и некоторые зловещие предания, касающиеся Мокуша. Рассказывают, что он умеет оборачиваться в кого угодно и, пользуясь этой своей способностью, навещает вдов или девок в образе их умерших любимых. Иногда уверяют, что связь эта не доводит до добра, потому что избранница летающего змея начинает сохнуть и от такой любви однажды неизменно умирает. Однако тут не все так просто. В ранних пластах русской мифологии мы находим прямо противоположное, – что от связи летающего змея с человеческой женщиной прежде родились богатыри. Мать же их оставалась живой и здоровой. Так появились на свет, например, такие известные былинные герои, как Вольга и Тугарин Змеевич. Оба они унаследовали от отцов способность к оборотничеству и умели летать. Массу подобных легенд помнят на Балканах. Представление же о половой связи со Змеем, которая приводит к неминуемой смерти, – не что иное, как перенос позднего блуждающего фольклорного сюжета об инкубах и суккубах, на миф о «мокоше». То есть, – кусок мифологического сюжета оторвался от своего основного мифа и прилепился к мифу совсем другому. Связь женщины с Мокошем порицалась, считалась безнравственной. Именно поэтому в подмосковных говорах, не только женщину, встречающуюся со Змеем,

но и вообще – гулящую женщину называли «мокОсья». То есть, женщина принадлежащая мокошу – мокошу.

– Чья? – Мокося.

В одной словенской сказке упоминается о колдунье, которую называют «Mokoska». Есть колдунья Мокошка и в русских сказках. Прозваны так эти женщины из-за своей связи со змеем Мокосом – Мокошем. Их прозвища образованы подобно нарицательному «мокося» в подмосковных говорах.

Подобные «мокошам» существа встречаются в ранней арийской, позже - в индийской мифологии. Это – наги. Народ-змеи. Наги очень многочисленны. Они живут под землёй, там у них своё царство - Патала. Царя нагов зовут Васуки (созвучно с принятым в Европе названием мокоша - Василиск). Наги умеют оборачиваться в людей, летают и иногда вступают в половые отношения с человеческими женщинами. Древние индийские тексты относятся к ним ровно так, как наш фольклор к «мокошам». Считается, что наги такие же естественные существа, как и люди, – но обладающие некоторыми необычными качествами. Чаще всего мифы говорят о нагах во множественном числе, как о народе. Употребляя слово «наг» в единственном числе, эпос обычно подразумевает под этим словом царя нагов, Васуки. По аналогии с древнеиндийской мифологией можно предположить, что и у славян мокош или мокошь – это название всех летающих змей одновременно, всего легендарного «змеиною народа». Подобно словам, обозначавшим реальные исторически народы: Чудь, Вель, Ямь... А слово «Мокош», написанное с большой буквы – подразумевает главного мокоша, царя змей, собственное имя, которого было, вероятнее всего – Велес или Волос.

Именно поэтому, в дошедших до нас средневековых упоминаниях о мокоше, в тех случаях, когда говорят о владимирском Пантеоне, переписчики путаются, употребляя разные варианты написания, то с мягким знаком на конце, то без.

Мокош - Мокошь упомянут в русских летописях и многочисленных поучениях против язычества. «Поучение духовным детям» в XVI веке так предостерегает: *«Уклоняйся перед Богом невидимых: людей, молящихся Роду и рожаницам, Перуну, и Аполлону, и Мокоши, и Перегине, и ко всяким богам мерзким тревам не приближайся».*

Слово «мокоши» тут употребляется в дательном падеже, как наименование легендарного змеиною народа (подобно: Чудь (Чуди), Русь (Руси), Вель (Веси)). Безусловно, что существа женского рода, которых таковыми можно считать однозначно тут - это только рожаницы. Перегиня же, не обязательно женское божество - «Берегиня». Перегиня – вполне может оказаться существительным общего рода, в языке в качестве имени собственного более готового к тому, чтобы быть мужским именем: как например Добрыня, Усыня. Горыня. А вот, если бы слово «мокоши» употреблялась бы тут в мужском роде, единственном числе, то дательный падеж, дошедший из праславянской глубины языка, совершенно чётко должен был откликнуться на определяющее окончание, которое для существительных мужского рода без окончаний, заканчивающихся на шипящий, должно быть «МокошУ». Следовательно, речь в этом фрагменте идёт не о самце - змее мокоше, не о неязыческой псевдо славянской псевдо богине – Макоше, а о змеином народе. Видимо, по этому, в следующем отрывке он (народ мокош) поставлен в перечне сразу после волшебных существ – вил, упомянутых во множественном числе («вилам»), являющихся так же, подобно мокоши, особым народом, разрядом мифических существ,

«Того ради не подобает хрстіаном игръ бесовских играти, иже ест плясаніе, гудба, песни мырскыя и жрътва идльскаа, иже молятся огневи пре овином и вилам и Мокошии и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаници» («Слово о мздоимании» по списку XVI века).

Здесь опять упоминаются рожаницы и легендарный народ - вилы, безусловно, сущности женского рода. Мокоши и вилы перечислены подряд, как два чудесных народа.

Вилы подобны толкиеновским эльфам, а мокош – нагам. В «Слове об идолах» XV века сохранилась запись о Макоши:

«...тем же богам требу кладут и творять словенский язык: вилам и Макоши и Диве, Перуну, Хърсу...». «Мажють Екатию богыню, сию же деву творять и Макош чтуть...»

В этом отрывке Макош упомянут наряду с какой-то славянской богиней, которую летописец по аналогии с греческими богами называет Гекатой, то есть богиней Луны и чародейства. Гекату «мажут», – видимо, – жертвенной пищей, а также её же – Гекату – «творят», – то есть изготавливают её идола. Явно, что Макош чтут как-то отдельно. Как мы видим, и из этого отрывка следует, что Макош – не существо женского рода, а царь большого мифического змеиного народа – бог Велес, подобный царю нвгов – Васуке, в индийской мифологии.

Раз мы имеем такое очевидное совпадение в мифологических персонажах двух родственных индоевропейских народов, чьи пути разошлись 4 тысячелетия назад, то очевидно, что поверья, связанные с «мокошем», восходят к глубочайшей древности. К временам, когда большая часть арийских племен (дошедших постепенно до Индостана) ещё не начала переселяться с территории Восточной Европы.

Любопытно, что в народных рассказах Тверской области, касающихся выращивания зерна – основного крестьянского богатства, – одни и те же действия может совершать как «огненный змей», так и человек: *«Змея летает – пережинает рожь»* (Сандовский р-н, д. Макаровское); *«Старуха рожь пережинала»* (Молоковский р-н, д. Ерново). В народе одни и те же действия часто склонны трактовать совершенно противоположно – то как бережные, то как вредоносные: *«Уж забирает из хлеба сытость, из молока вкус»* (Сандовский р-н, д. Мантурьево); *«Женица была, – со ржи забирала всю сытость и силу»* (Удомельский р-н, д. Холщебинка), поэтому, *«чтоб ей силу не взять, нужно ей ржи отжать – немного»* (там же); *«Ужу сноп оставляли»* (Молоковский р-н, д. Господинково).

На наш взгляд, внутренняя логика этих действий позволяет говорить о едином обряде «угощения или кормления ужа-«мокуша»»: если «огненному змею» не оставить сноп, то он или «исполняющий его обязанности» заберёт из хлеба сытость и силу. В этих фольклорных записях, вероятнее всего, мы можем наблюдать остатки древней языческой обрядности, связанной с Мокушем. Показательно, что так же оставляли сноп Велесу. Обозначение последней горсти колосьев «Велесу на бородку» известно только русским; у западных и южных славян его нет. У югославов сохранилось выражение «божья борода», но имя бога уже забыто. Пучок колосьев оставляли на поле, предварительно **завязав его узлом**. Обращает на себя внимание и то, что узлы, петли, извивы, зигзаги, «вилюшки» – это устойчивый семиотический атрибут змеиного царства.

Не есть ли Велес и Мокош, один и тот же мифологический персонаж, но имевший (как бывает) несколько имён одновременно?

В тверских песнях Купальского цикла встречается описание «пильнования» (подстерегания) змей:

*Збирайтися, деўки, купальные пеяти,
Купальню пеяти, троих змей пильновати.
Адна ж зьмея пад хлеў падпалзаець,
А другая зьмея кароў усасаець,
А третия зьмея с хлеба спор збираець...
(Себежский р-н, д. Дедино).*

В купальской песне соседнего Невельского р-на Псковской обл. (д. Терентьино) очевидна связь змеи с огнём:

*Иван да Марья, на гары Купальня.
Там девки навоз разбивали,
Змяю пыджигали...*

Другая псковская купальская песня ещё теснее связана с «огненным змеем», в ней даётся описание, напоминающее его рождение от купальского костра:

*Ва поле гуляла, ва поле гуляла,
Агонь рыскладала, агонь рыскладала,
Змяю зыжигала, змяю зыжигала,
Куда змяя люта, куда пылятела?*

(Архив экспедиций Санкт-Петербургской консерватории)

Средневековая книжная миниатюра, изображающая аспа (аспида).

Аспом «мокоша» обычно называли не у славян, а в Европе.

В д. Захарьино Калининского р-на Тверской обл. у «знающей бабушки» было записано такое поверье-запрет о «рождении ужа»: *«Нельзя топить печь брединой (ивой), на ней змея ценится. Если будешь топить, то от той ветки, где змея щенилась, будет взрыв, вылетит шар огненный, вылетит и по небу полетит».*

Недалеко от деревни Гирино Вышневолоцкого р-на расположены холмы, называемые «Семики». На их вершинах в канун Иванова дня, по воспоминаниям местных жителей, жгли костры. Вниз по Мсте, примерно в 5-6 км от д. Гирино, в Удомельском р-не, находятся искусственно насыпанные «сопки» с плоскими вершинами, Змеиная гора у д. Поляны, Вышняя гора у д. Казикино и гора Змеинка у д. Манихино. По местным преданиям, сопки были насыпаны над могилами царей и использовались для подачи сигналов с помощью костров. Вплоть до 1960-х гг. на этих горах жгли масленичные костры (колёса на палках), вообще использовали их достаточно интенсивно в ритуальных целях (гадали, проводили кулачные состязания). В нашем архиве накопилось немало описаний «огоньков», «огненных шаров», «искр», которые наблюдались на вершинах этих гор. Интересно и то, что с этих гор местные детишки ещё не так давно запускали самодельных ромбовидных «воздушных змеев».

Воздушный змей

У змея делался длинный лохматый хвост из мочала, с грузиком на самом кончике. То есть игрушка исходно изображала именно летающего змея, а не птицу.

Помимо ритуальных практик и поверий, на северо-западе России представления об «огненном змее» прямо и косвенно сохранились в паремиях: «*В Егорий – змея появляется (вариант: звёзды падают)*» (Рамешковский р-н, д. Киверичи); «*Если на небе воссияло – уж полетел*» (Рамешковский р-н, д. Бурцева гора). Представление о падающих звёздах, как гаснущих людских жизнях или как о приходящих с того света предках, сближает образ «ужа» («*Змей светился, как звезда*» — Рамешковский р-н, д. Горбово) с культом предков. В д. Найденово этого же района было зафиксировано следующее представление: «*Говорили, что огненный шар – это дух, выходящий из умерших, поэтому часто его видели на кладбище*». Можно предположить, что «огневой уж» является очень архаичным образом «волшебного родственника», «предка-покровителя», заботящегося о достатке рода. Многие черты отношений с «ужом» (кормление, зазывание, ношение им «добра») напоминают ритуальные формы общения с «хозяином» (домовым, лесовым, водяным), с персонажем «низшей демонологии».

Однако же наиболее вероятно возможность постепенной мифологической деградации в фольклоре высшего существа восточнославянской мифологии. Того самого Мокоша, упоминаемого в качестве древнего славянского божества, идол которому был поставлен князем Владимиром в Киеве. Кто же такой **Мокош**? - Это дракон, которого литовцы называли «**smakas**». В мифологии осталось множество свидетельств некогда широко распространенных представлений о смок-уже, и представления эти были распространены у всех славянских народов, что говорит об их большой древности. Угадывается некоторая мифологическая связь образа Мокоша с плодородием и охраной урожаев. Связан Мокош и с огненной стихией. На эти соображения наталкивают астральные черты «ужа», его венец-корона, архаичность обрядов и фольклорных текстов, в которые он включён. Однако сказать что-либо развернутое об этом славянском языческом божестве мы не можем. Не сохранилось ни одного цельного мифа, на основании которого мы смогли бы создать представление о том, кем для славян был Мокош. О Зевсе, Марсе или Одине мы знаем неизмеримо больше. Знаем истории из их жизни, их характеры и пристрастия. Хотя теперь нам и стало известно, как выглядит

Мокош, что он напоминает «скотьего бога» Велеса, но о самом этом персонаже, как о славянском языческом божестве, мы не знаем почти ничего. Подытоживая, скажем, что мокош, мокошь – это название легендарного змеиного народа. Мокош, с маленькой буквы – это отдельный представитель змеиного народа – отдельный дракон. Мокош, написанный с большой буквы – это царь мокоши по имени Велес. Он не является «матерью богов», и хотя вероятно, что в мифах были мокоши и женского пола, но у царя мокоши – Велеса, пол мужской.

Накладная пластина. Кость, резьба. Середина XVI века. Новгород

Велес – Мокош

Велес и Мокош, как мы полагаем, это один и тот же персонаж. Мы считаем, что Мокош и Велес – это разные имена одного и того же славянского бога. То есть, Велес – дракон. И неслучайно автор Повести временных лет, рассказывая о владимирском Пантеоне, упомянул Мокоша, но не сообщил отдельно об идоле Велеса. Между тем, все исследователи единодушны в том, что Велес был очень почитаем славянами. Даже то обстоятельство, что в Киеве, на Подоле уже стоял идол Велеса, не может быть убедительным аргументом, объясняющим, почему Велеса не включили в Пантеон. Культ Велеса был чрезвычайно распространён, а позиция этого бога была необычайно велика и значима в славянской религии. Его не могло не быть в Пантеоне!

«Начал княжить Владимир в Киеве единолично. И поставил идолы на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а глава его серебряна, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Макошь, И принесли им жертвы, называя их богами, ...»^{vi}.

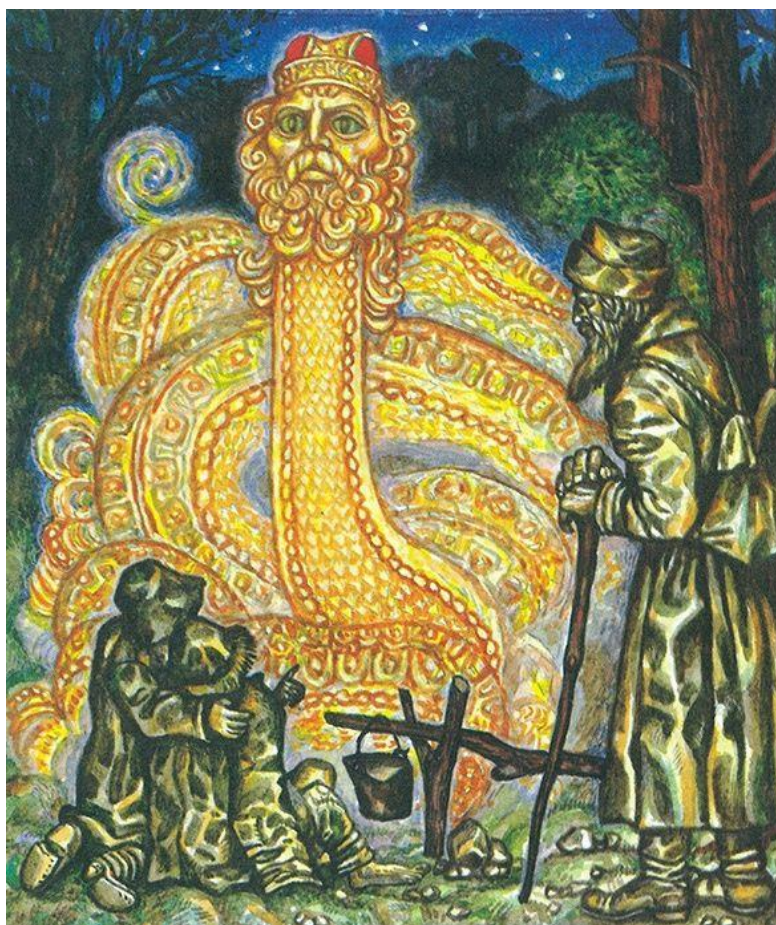
Для современников было очевидно, что Мокош и Велес – одно и то же. Летописец Нестор не стал нужным пояснять, что это одно существо, – не было необходимости, всем было понятно.

В славянских преданиях сохранилось множество сюжетов, связанных со змеем-драконом и совершенно нет рассказов о Велесе. О таком Велесе, как его представляют современные неязыческие авторы: «волосатом» или рогатом, в образе медведя или быка, например.

Имя «Волос», по нашему мнению, обозначает – «подобный волосу, нити, верёвке», то есть – вытянутый, волосообразный. Есть даже реальное живое существо, называемое в народе «волос». Люди верили, что оно проникает в тело человека и ползает внутри, пока не достигнет сердца. Считалось, что от этого человек неминуемо умирает. Медицина свидетельствует, что такого паразита в наших широтах нет. Однако народная молва неизменно присваивает упомянутые злодеяния свободно плавающему в воде беспозвоночному червю *Nematomorpha*, называя его «волосом».

Волос-Nematomorpha живёт в озёрах и реках, достигая длины 40 сантиметров и толщины 3 миллиметра. Ещё раз напомним народное название червя Nematomorpha – волос. Его назвали так потому, что он напоминает длинный конский волос. Похожим образом произошло и слово «уж», от древнерусского - «гуж», что значит - «верёвка» или «змея». Так же, из-за внешнего сходства с волосом, длинным и змеевидным, по нашему мнению, появилось имя крылатого змея, дракона – бога Волоса-Велеса. Вероятно, что у его двойника – сказочного подземного повелителя Вия, имя образовано так же. От «вить», «извиваться».

Великий полз. Иллюстрация к сказке Бажова

Скептики могут возразить, защищая «медведеобразность» бога Велеса и напоминая, что есть свидетельство, хоть и спорной достоверности, про город Ярославль (впервые записанное в 1781 году), – что он был основан в 1010 году на месте храма,

посвященного богу Велесу. Это место называлось «Медвежий угол». Там, по преданию, волхвы содержали священного медведя.

«Сему же многоказненному идолу и керметь (капище) створена бысть и волхов вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури». Князь Ярослав Мудрый, правивший в Ростове, убил медведя и разогнал волхвов^{vii}. Логика рассуждений сторонников этой гипотезы такова: дескать, раз в храме держали священного медведя, то и Велес был медведем. Мы с этим не согласны. Напомним читателю, что в храме Свентовита и Треглава жрецы держали священных коней. Следуя упомянутому логическому построению, – мы должны сделать вывод, – что Свентовит и Треглав – кони, – что, конечно же, абсурд.

Велес – скотий бог, в представлении неоязычников.

В русских былинах есть сюжет о том, что богатырь Вольга был рожден княжной Марфой Всеславьевной от Змея. Пользуясь принятой в мифологии терминологией, Вольга был полубогом. Потому-то, из-за своего необычного происхождения, он и оборачивался легко в любого зверя, и совершал многие другие необычные деяния. Видимо, его отцом считался славянский бог Велес.

Волх Всеславич. Художник - Борис Ольшанский.

Другой богатырь – Тугарин Змеевич – тоже отличался от обычных людей. Подобно своему отцу-Змею, он умеет летать, – правда, только в хорошую погоду. При нелётной

погоде, при дожде, – его крылья намокали, и из авиатора Тугарин Змеевич делался кавалеристом.

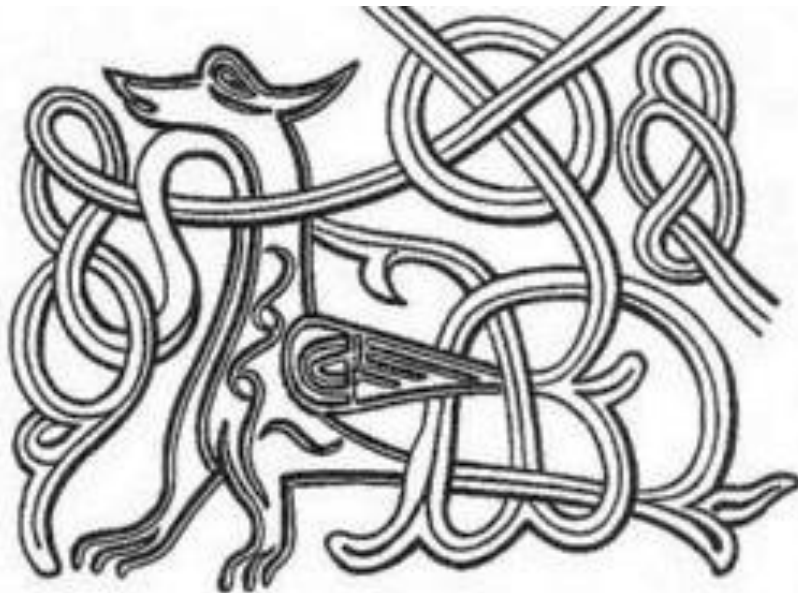

Праславянские формы *Velsъ*, *Volsъ* можно сопоставить с балтийским именем бога загробного мира Вяльнаса. История, язык, зафиксированные этнографами и фольклористами верования балтов близки и родственны славянским. Очевидны сходства и в дохристианской религии балтов и славян. Людям, интересующимся этнографией, хорошо известен прибалтийский бог Вяльняс (лит. *Velnias*), также иногда его имя Вяльнас, Вялнс, Велнс (латыш. *Velns*). Основой для вариантов этого имени является корень «вел», «вол», образующий такие слова как «волна» и «вилять». Велес, буквально – «волнистый», «виляющий».

Реплика. Древняя Русь XII в. Оригинал: белокаменная резьба Чернигов, Борисоглебский собор.

Извивающийся крылатый дракон встречается на множестве древнерусских изображений, что весьма соответствует значению исходного корня «*val*, *vel*, *vol*», а одновременно и кругу значений имени Велес. Очевидно, бог Велес был Змеем, а не медведем или быком. Балты верили, что Вяльняс – дух подземелий, охраняет клады, опекает не богатых, а справедливых людей. Эти его особенности тождественны тому, что мы знаем из русского фольклора о Змее-Мокоше. Он так же живёт в норах (подземельях), охраняет клады, помогает хорошим людям (носит им «добро»: молоко и зерно).

Древнерусское изображение крылатого змея на браслете XII—XIII вв.

Пытливым исследователям мифологии известны также предания о том, что Велняс имел детей от союза с земными женщинами. Его дети были наделены огромной, нечеловеческой силой. Таких же (или этих же) детей богатырей-«Змеевичей» мы знаем по русским мифам.

Знатоки древней индийской мифологии с Велесом сближают ведического демона-змея Валу и признают это имя одним из имён змея Вритры. Исследователи считают, что имена Вритры и Валу произошли от одного корня «val»^{viii}. По всей видимости, мы имеем дело с очень древним мифологическим образом, давшим множество вариантов в мифологии разных народов, сохранившемся у славян так же, как у балтов и ведических ариев. Славяне называли этого бога-змея одновременно и Мокошем, и Велесом, и Вием.

Мать-Сыра Земля

Современные неоязычники, да что там душой кривить, – и многие ученые, ощущая необходимость какого-то важного женского божества у древних славян, –начали его энергично выискивать. Понятно, что это должна бы быть богиня мать, но как её звали? Каковы были связанные с ней легенды и верования? Как уже говорилось прежде, многие исследователи ошибочно решили, что это женское божество – Мокошь. Язычники же тут же придумали обрядность и иконографию никогда не существовавшей у славян богини. Между тем, рассматривая сказку, как мифологический мир, в который ушли славянские боги, мы видим очень частое обращение героев к Матери Земле. Точно так же молятся Матери Земле былинные богатыри, просят у неё силы и заступничества. Часто упоминается она и в заговорах.

Фольклорная традиция насыщена связанными с ней обрядами. Вероятно, именно в этом легендарном образе следует искать забытую славянскую богиню-мать. Многими чертами Мать-Сыра Земля схожа с эллинской богиней Геей, которая также считалась прародительницей всего существующего на планете.

Мать-Сыра Земля была символом женского плодоносящего начала. Матерью-Землёй клялись, закрепляя клятву поеданием земли.

С куском дернины на голове обходили своё поле, делая этим жестом законной границу своей земли. Родную землю, как святыню, носили с собой в ладанке на шее или в кармане. Землёй клялись и к ней обращались с исповедью. Про исповедь Матери-Сырой Земле рассказывали многие собиратели славянских древностей. Известно, что еретики-стригольники (14 – 15 век) каялись земле, также поступали и некоторые староверы-

беспоповцы, прося заодно прощения у ветра и солнца. Но научный мир так и не пришел к единому мнению, что это: сохранившийся у славян реликт неправильно понятого христианского обряда таинства исповеди или древняя форма покаяния, распространенная у славян ещё до крещения.

В гимнах Ригведы землю называют супругой неба. Греческая богиня Гея – земля, также считалась супругой Урана – неба. Греки верили, что от этой четы произошли другие боги. Иногда даже – что *все* боги. Видимо, это очень древние представления, восходящие к временам иофетитов и даже, видимо, далее. У славян такие представления прослеживаются очень уверенно и органично. Акт появления всего живого воспринимался как союз персонифицированного Неба с Землёю, а человек – как плод этого союза. Причём, под «небом» зачастую понимается Бог – Отец. Часто в заговорах мы встречаем формулу; «Небо – отец, Земля – мать...», что наиболее наглядно поясняет нам отношение славян к Земле, как к матери, а к Богу, как к отцу. Такие представления сродни библейским, где считается, что Адам был создан из земли, и само имя его означает «глина». Бог же вдохнул в него свой дух, сделав одновременно его своим сыном и сыном Матери-Земли. Вероятно, именно это сходство древнего славянского предания с библейским и позволило древним представлениям так хорошо сохраниться в славянской культуре, даже после 1000 лет принятия христианства Русью.

Но Мать-Земля считалась также и матерью всех живых существ, растений и животных. Нередко в былинах и молитвах её называют Мать-сыра Земля Богородица. Что это? Перенос нарицательного имени матери Христа – Марии на прежний, языческий образ? Или славяне считали Мать-Землю матерью своих богов?... Трудно ответить на этот вопрос. Очевидно только, что в славянской мифологии, как прежде и в славянской религии, роль Матери-Сырой Земли является одной из важнейших и главнейших. По всей видимости, это и есть тот образ Матери, которого так не хватает исследователям славянского мифа, который был ошибочно, искусственно заменён Макошью – богиней, которой никогда не было.

ⁱ Цитата из письма Андрея Соловьёва.

ⁱⁱ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. — М.: Прогресс. СМОК - "змеи (в сказках)", блр. смок, цмок "дракон", русск.-цслав. смокъ "змея", болг. смок "уж, медяница", словен. smok, род. п. smoka "дракон", чеш. zmok – то же, слвц. zмок "домовой", польск. smok "дракон", наряду с чеш. zmek "домовой, змей". Объяснение из *sъmъkъ, связанного со смыкаться, (пре)смыкаться, напрашивается для чеш. zmek, которое могло получить z- из zmija; см. Младенов 594; Преобр. II, 337; Голуб–Копечный 437. Но эта этимология не объясняет вокализма -о-. По мнению Брюкнера (503), *smokъ, первонач. "сосущий", родственно смоктать (см.). Лит. smakas "дракон, змей" скорее заимств. из слав., а не родственно smokъ (Брюкнер (FW 134), вопреки Миклошичу (Mi. EW 311). •• [Напротив, Слушкевич (JP, 38, 1958, стр. 211 и сл.) относит эти сближения к народн. этимологии и источник слав. smokъ видит в герм.; ср. англос. snasa, англ. snake "змея"; sn- > sm- – Т.]

ⁱⁱⁱ Исторические сведения о городе Арзамасе собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. Арзамас. Типография Н. Доброхотова. 1911.

^{iv} Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. / Сост., вступ. ст., примеч.: Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошин. М., 1991.

^v Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. / Сост., вступ. ст., примеч.: Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошин. М., 1991.

^{vi} П.В.Л.

^{vii} Текст «Сказания об основании города Ярославля» — М. Сударушкин. Чьё имя носит Ярославль?

^{viii} Мифы народов мира / Ред. С. А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — Т. 1. — С. 210. Ригведа. Мандалы I—IV. / Подг. изд. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1999. — С. 495.